

Емима Черновиц-Авидар: биробиджанский дневник

Летом 1956 года послу Израиля в Москве Йосефу Авидару (1906-1995) удалось получить разрешение на посещение столицы Еврейской автономной области Биробиджана, тогда еще закрытого для иностранцев. В конце июня он вылетел с женой, известной детской писательницей Емимой Черновиц (1909-1998), на Дальний Восток.

Посол Израиля в СССР Йосеф Авидар и его жена Емима Черновиц-Авидар

Более чем за три года своего пребывания на посту посла Авидар побывал во многих уголках СССР, включая Закавказье и Среднюю Азию, активно встречаясь с советскими евреями. Во время этих визитов Емима вела дневник, выдержки из которого помещены в Интернете (<http://lib.cet.ac.il/pages/sub.asp?kwd=7942>).

Сохранились записи и о двухдневном посещении Биробиджана, которые недавно были переданы ее дочерью Даной Авидар профессору Тель-Авивского университета Якову Рои. В скором времени «Биробиджанский дневник» Емимы Черновиц с комментариями Якова Рои выйдет на английском языке в академическом сборнике «Мизрах – иудаика на Дальнем Востоке» под редакцией автора этих строк.

Посол Израиля и его жена прибыли 27 июня 1956 года в Хабаровск, а к пятнице 29 июня оказались в Биробиджане, где их встречала группа местных жителей. В сопровождении начальника городского коммунального хозяйства Переца Духно в тот же день они отправились в село Валдгейм, где им устроили показательный прием в «потемкинском» стиле. Среди прочих израильтяне встретились с депутатом Верховного Совета от ЕАО Рохл Фрейдкиной, с председателем колхоза Борисом Гальпериным и с директором местной школы Исааком Пришкольником.

Вернувшись в Биробиджан, они посетили редакцию газеты «Биробиджанер штерн», областную библиотеку им. Шолом-Алейхема, трикотажную фабрику, детский сад при фабрике, а также, по странной прихоти принимающей стороны, - городскую баню.

Скорее всего, визит посла Израиля в ЕАО был неофициальным, поскольку встречи с представителями областных властей не состоялось. Не побывали гости и в синагоге, восстановленной к тому времени после пожара – видимо, о ее существовании у них информации не было. Не увиделись они и с биробиджанскими литераторами, пишущими на идиш, если не считать короткой встречи в редакции «Биробиджанер штерн» с Наумом Фридманом, который им, кажется, даже не был представлен.

Примечательно, что в записях Емимы, воспринимающей еврейство, в основном, через ивритскую культуру, нет никакого упоминания о существовании этой группы, большинство членов которой были арестованы именно за «национальный уклон» в своем творчестве и лишь недавно вернулись домой.

В целом визит в Биробиджан произвел на супругов Авидар довольно тяжелое впечатление, хотя, судя по всему, они себя к этому морально готовили еще до поездки, по инерции рассматривая еврейскую советскую автономию как несостоявшуюся альтернативу Государству Израиль. На их взгляд, положение евреев в Биробиджане было даже хуже, чем в других местах СССР. По мнению Йосефа Авидара, одной из причин этому стал эклектичный состав биробиджанского еврейства, так и не создавшего органичной сплоченной общины, а репрессии и отъезд национально настроенных элементов лишь ускорили угасание еврейской жизни. Оставшиеся еврейские массы в большинстве своем не рассматривали создавшуюся ситуацию как национальную дискриминацию, что особенно расстроило гостей.

Единственным светлым пятном за время биробиджанского визита Авидаров стала их встреча с представителями «ивритского кружка», чему посвящен переведенный мною и впервые публикуемый на русском языке фрагмент «Биробиджанского дневника» Емимы Черновиц-Авидар.

Борис Котлерман, Неве-Цуф, Самария

Утро субботы (30.06.56)

[...] В четыре часа дня, когда мы вернулись в номер передохнуть от обилия впечатлений, раздался стук в дверь. Это была та женщина, Фельдман, пришедшая, по ее словам, потому что *дос харц цит* - сердце тянет... Зайдя и усевшись в кресло, она стала расспрашивать об Израиле. Ее вопросы касались, в основном, культуры. Выпускница [педагогических] курсов Ихила Гальперина, она оказалась знатоком литературы и языка [иврит]. Она завела речь о стихах Черниковского о природе, о любовной лирике Шнеура [Залмана]. Она глубоко впитала в себя раннюю литературу на иврите и период Гаскалы. Ее рассуждения были взвешены и точны, ей было достаточно лишь намека, чтобы схватить суть вещей. Она не восхваляла перед нами ту жизнь, которую вела. «У меня нет здесь близких друзей, нет никого, кто бы понимал меня. Дочь свою я назвала ивритским именем Шушана, ведь и у меня ивритское имя – Хемда бат Шмуэль, но что она знает о еврействе? Она еще помнит с детства колыбельные на иврите, которые я ей пела - «Шам шуалим йеш...» (Там лисы...) - но сейчас ее зовут Сюзана, она замужем за русским, усыновила нееврейского ребенка... У меня временами *дос харц гейт ойс цу а идиш ворт...* (сердце тоскует по еврейскому слову...)».

Она тосковала по ивритскому слову больше, чем по [исторической] родине. Смирившись со своей судьбой, она уже не ждала никаких перемен... Она попросила книгу на иврите, попросила мои рассказы. В юности она сама писала рассказы для детей, писала на иврите. Я ей сказала: «Я пришлю вам из Москвы, вы придете получать?» Она: «Пришлите мне

Танах. Пришлите что-нибудь. Я не боюсь. Шлите мне прямо на дом». Она раскрыла Танах и начала читать «Песнь песней» голосом, скрипучим, как ржавая дверь, которую открыли после многих лет.

Мы сидели с этой удивительной женщиной - и снова раздался стук в дверь. Вошел старик Гельфман, говоривший на иврите, в прошлом приятель [израильского публициста] Давида Заккая. Маскиль времен [газеты] «Ха-Цфира», горячий поклонник статей моего покойного отца [Шмуэля Черновица]. Он с энтузиазмом рассказал, как несколько евреев собрались у него дома вокруг номера «Давара», который ему вчера дал Йосеф [Авидар], и читали его с воодушевлением и интересом. Особенно некто Финкель, который снова и снова перечитывал газету, но так и не решился прийти к нам. Увидев Танах в руках у Хемды, старик расчувствовался до слез. Он взял его в руки и не хотел выпускать. «Я сжег огромную библиотеку во время репрессий, но когда поднялась рука сжечь сочинения Бялика, я сказал себе: довольно! Пусть судьба этой книги будет моей судьбой! Останусь в живых – и книга останется, а умру – тогда пусть ее забирают у меня. Так и остался у меня томик стихов Бялика, единственный и остался».

Мы сидели вчетвером – эти два представителя проникнутого ивритским творчеством мира, который был здесь до основания разрушен, и мы, которые могли им дать так много от нашей культуры, от нашей литературы. Мы были как два водоноса с полными кувшинами прохладной воды, встретившие двух заблудившихся в пустыне, изнывающих от жажды путников; мы протянули им, было, воду, но тут пришли злодеи и помешали нам...

Кажется, старик Гельфман первым запел [балладу Черниховского] «Сахи, сахи аль халомот» (Смейся, смейся над мечтами), Хемда подхватила, а потом и мы за ними. Так мы сидели вчетвером и напевали в стенах скромной биробиджанской гостиницы...

Когда Духно вошел в номер и увидел нас четверых, он остолбенел. Он тоже присел с нами, но в невежестве своем не понял, о чем шла речь. Он ведь уже был достойным воспитанником «Биробиджанер штерн»...

Так выглядела привокзальная площадь в Биробиджане много лет назад (фото из архива В. Дертко, Израиль). А так эта площадь выглядит сегодня...

Духно пришел сообщить нам, что скоро начнется «еврейский час» по радио. Дважды в неделю тут есть передачи на идиш. Хемда, работавшая бухгалтером в радиокомитете, открыла нам секрет, что ради нас изменили расписание: воскресную передачу перенесли на субботу... Мы сидели и слушали еврейскую передачу. Девушка с тяжелым русским акцентом вещала на идиш о росте производительности труда, а парень-токарь рассказывал о своей работе у станка. Передача была дословным переводом трансляций подобного рода, распространенных в этой стране. В ней не было совершенно ничего еврейского. И только последние пятнадцать минут были посвящены народным песням в стиле «мехутенисте» (сватья), «фрейлехс» и т.п. - старые-престарые песни, пропахшие нафталином. Старик Гельфман таял от удовольствия: ай, *а мехае!* Еврейская песня... Он расчувствовался до слез, а мне было больно видеть этого милого старика, обгладывающего убогую кость, брошенную ему по радио...

После того, как мы насладились «еврейской культурой» по биробиджанскому радио, мы вышли отведать местного мороженого. Видимо, власти позаботились о том, чтобы вокруг нас больше не крутился народ. Мы сидели впятером: два представителя местной интеллигенции, жадно внимавшие нашим словам, преданный раб, глаза которого бегали вокруг, чтобы убедиться, что все идет в предписанном сверху порядке – и мы, ощущавшие некоторый страх при виде опустевших улиц. Время от времени мимо кафе, в котором мы сидели, проходил какой-нибудь еврей, приостанавливался, спрашивая что-то, и исчезал.

Почему-то именно сейчас мне вспомнился наивный вопрос одной женщины, которая обратилась ко мне вчера по-простецки: «А почему бы вам не собрать евреев города и не рассказать им немного об Израиле? Нам ведь интересно послушать!». Такое вот простое предложение...

Мы сидели, ели мороженое, а в ушах наших звучали слова: «Сахки, сахки аль халомот» (Смейся, смейся над мечтами)... Мечты о еврейской культуре в еврейской автономной области на берегах Амура...

На исходе субботы...

Когда мы сообщили Духно о нашем решении уехать на исходе субботы, а не в воскресенье утром, он не скрывал своей радости. Видимо, наш визит прошел не совсем согласно программе, и поскольку Духно был лично ответственным за результаты этого визита, он был рад отделаться от нас побыстрее. Наше решение уехать вечерним поездом было связано с тем, что, казалось, мы не сможем вынести еще одной ночи в этой атмосфере еврейской области – обида, подавленное настроение и боль захватили нас целиком. Мы с Йосефом сидели в нашем маленьком номере, ожидая времени отхода поезда. Гельфман пошел позвать жену, чтобы проводить нас на поезд, но я знала, что жена не даст ему вернуться. Он действительно не вернулся. [...]

Поскольку поезд запаздывал, мы вышли в парк. Это было еще одно городское «достояние», которое мы до сих пор не видели, и Духно показалось, что наша экскурсия будет без этого неполной. Парк – природный лес, в котором были прорублены тропинки – располагался на берегу реки. Туча комаров напала на нас и начала буквально пожирать. Как и все советские парки, этот парк был полон лозунгов и плакатов, все на русском языке. Много молодежи пришло сюда провести свободное время. В сторону сцены шагал духовой оркестр, состоявший сплошь из евреев, и я присоединилась к нему. Меня окружили замечательные парни, забросав вопросами: «Мы хотели к вам подойти, хотели поспрашивать об Израиле, ведь интересно, как там, но нам не дали. Мы и сейчас знаем: тут отовсюду следят. С вами запрещено общаться [...]».

Мне все же удалось немного рассказать о происходящем в Стране. Мы сидели среди молодежи, пришедшей потанцевать. Русские девушки со светлыми косами танцевали с еврейскими девушками, молодежь перемешалась тут прямо «идеально». Рядом с нами оказалась еврейская мать, говорившая на идиш. К ней подошла дочка, девица лет шестнадцати по имени Майя. Идиша она не знает, поскольку у нее нет никакой необходимости в этом языке... Милая еврейская девушка – но ничего в ней от еврейства...

Мы провели в парке около часа, атакуемые комарами и пропагандой Духно...

И снова вокзал. На этот раз не было толпы провожающих. Может, из-за позднего часа, а может, приказано было не приходить.

Громкий и резкий свисток прозвучал в ночи. Наш поезд попрощался со столицей Еврейской автономной области и понесся в сторону Хабаровска. Я сидела в купе, и в перестуке колес мне слышалось: «Сахки, сахки аль халомот» (Смейся, смейся над мечтами)...

Перевод с иврита – Борис Котлерман.

О переводчике

Д-р Борис (Бер) Котлерман родился в Иркутске в 1971 г. С 1997 г. - исследователь и преподаватель Центра по изучению идиша им. Рены Косты при Бар-Иланском университете. Выпускник отделения литературы народа Израиля при Бар-Иланском университете, где в 2001 г. защитил докторскую диссертацию. Автор десятков научных и популярных статей о культуре и литературе на идише, а также книги «Баухаус в Биробиджане» (Тель-Авив, 2008). Другая его книга - "В поисках молока и меда: Биробиджанский государственный еврейский театр им. Кагановича, 1934-1949" - готовится к печати в издательстве "Славика" при Индианском университете (США).

Начиная с 2007 г., д-р Котлерман организовал и провел при Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии в Биробиджане две международные летние школы идиша. Живет в поселке Неве-Цуф в Самарии.